

УДК 314.424.2

ПРОБЛЕМА СУИЦИДА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**И.В. Могдалева*
Горловка, Украина

Одной из основных проблем философии является проблема человека, его природы, сущности, системы ценностей и смысла жизни. Каждый человек хотя бы раз в жизни задается вопросом о смысле. Он самостоятельно определяет свой жизненный путь, находит свое понимание смысла жизни. Речь идет о выборе собственного «Я», то есть жизненного стиля и системы ценностей. Обратной стороной проблемы смысла жизни является постановка проблемы смерти, ее ценностного аспекта. С нашей точки зрения, данная проблема выступает прежде всего как проблема самоубийства.

Один из представителей французского экзистенциализма А. Камю формулирует основной вопрос философии как проблему самоубийства. Суицид – это сознательное, самостоятельное лишение себя жизни. На наш взгляд, существуют две категории людей, которых можно зачислить в самоубийцы. В первую из них входят люди, оказавшиеся не готовыми к решению жизненных проблем. Для них жизнь утрачивает положительные черты и воспринимается только негативно, а смерть становится единственным выходом из сложившейся кризисной ситуации. Побуждение к самоубийству нередко происходит от чувства обиды, злобы или мести. Суицид среди людей этой категории совершается необдуманно, под влиянием эмоций, в состоянии страха и отчаяния. В этом случае самоубийство является проявлением слабости человека. Ко второй категории относятся люди, которые сознательно, целенаправленно готовят себя к суициду. На наш взгляд, они представляют собой типаж «самоубийцы». Основной чертой данного типажа является его внутренняя болезнь – постепенная утрата воли к жизни. Эту категорию составляют одинокие люди, находящиеся вне общества. Сознательно отделив себя от мира и утратив веру в Бога, они ищут поддержку, опору внутри себя. Для них главным стимулом жизни является личностная система ценностей. Думается, жизненный стиль типажа «самоубийцы» можно определить как саморазрушение, самоуничтожение. Такие люди живут настоящим, их цель – самоисчерпание, самоизживание. Возможно, причина их саморазрушающего поведения состоит в несоответствии их личности окружающему миру. Они не чувствуют себя частью этого мира. Их интересует познание своего «Я», а не окружающего мира. Более того, представители данного типажа не всегда понимаемы другими членами общества.

Яркий пример типажа «самоубийцы» в романе «Степной волк» представляет его автор Г. Гессе. Гарри Галлер сознательно, целенаправленно делает свой выбор в пользу саморазрушения. Его цель – самоисчерпание в настоящем. Основной чертой личности такого типа является ярко выраженная дуалистичность, которая представляет единство и борьбу двух противоположных начал – Жизни и Смерти. В Галлере живут и образуют его сущность «человек» и «волк». «Человек» – это мир культуры и нравственности, «волк» – мир дикости и жестокости. «Человек» и «волк» в Гарри Галлере часто находятся в смертельной вражде и изводят друг друга, но иногда заключают мир и живут в согласии. Ощущение дуалистичности, многоликости приводит Гарри Галлера к осознанию дисгармонии как с окружающим миром, так и с самим собой. В процессе самопознания Галлер понимает то, что внутренний мир человека

есть магический театр со множеством зеркал, который дает ему возможность оценить себя, свою многоликость и неоднозначность. Тип «самоубийцы» Гарри Галлер находит выход из кризисной ситуации: именно осознание своей дуальности, а затем и многоликости примиряет его с окружающим миром и сохраняет жизнь.

УДК 130.2

МАСКА И ЕЕ МЕСТО В ТРИАДЕ «ЛИК-ЛИЦО-ЛИЧИНА»

С.И. Сероштан
Харьков, Украина

Слово «маска», как утверждают лингвисты, в русском языке заимствованное. Русское слово «маска» восходит к латинскому «*maskus*», что в переводе означает «личина». В рамках «христианского мира» маска была чуждой, так как это был в первую очередь атрибут язычника. В древнерусских памятниках ряжение и маски назывались либо терминами, заимствованными из соответствующих писаний «отцов» римско-византийской церкви, осуждавших ношение масок («масколудство», «луды» – от лат. *ludere* – играть; *ludius* – актер, танцор; «скураты» – от лат. *scurra* – балагур, шут), либо славянскими понятиями. Так, в рукописной «Кормчей» XIII в. маски – «личины», «наличники», «обличья», в «Стоглаве» встречаются описательные названия: «лица косматые, козии, сатирские». В народе маски назывались «харями», «рожами», «личинами».

Особый интерес в связи с определением сущности маски представляет учение П.А. Флоренского. Флоренский выделяет три уровня явления абсолютного в эмпирической личности: лик, лицо и личину. Понятие лика выражает онтологическую проявленность; лицо – индивидуализированное эмпирическое; личина – полная противоположность лику, блокирующая явление абсолютного.

«Лицо, – определял Флоренский, – есть то, что мы видим при дневном свете, то, чем являются нам реальности здешнего мира... Можно сказать, лицо есть почти синоним слова *явление*» [2, с.356]. Поэтому портрет – это не онтология, а эпистемология лица. Художник выявляет схему, под которую он подводит данное лицо. Известно, что труднее всего писать как раз детские лица, ибо не ясно какую схему на них можно наложить. Действительно, лицо – сложная смесь объективного и субъективного, естественного и искусственного. Оно в значительной степени является продуктом природы. На биологическое лицо накладывает свой отпечаток культура. Даже если отвлечься от намеренной стилизации, то очевидно, что образ жизни накладывает на него свою печать: лицо ребенка или юноши отличается от лица взрослого и тем более старого человека.

Подлинным знаком бытия П. Флоренский считает *лик*. В обычном словоупотреблении лик означает лицо, освобожденное от случайных примесей возраста, пороков, болезней. Если мы говорим: лицо человека, то нас могут спросить, про какое конкретное лицо мы говорим (молодое, старое, красивое и т.д.). Но если мы скажем – лик человека, – то этим выразим нечто, ему вечно присущее. То есть лик есть истинное существо лица. Идея «лика» у Флоренс-